

«Это ещё что за хрень?», - спросил Хидан довольно сдержанно, что, очевидно, немного удивило доктора. Он отложил газету и поднял бровь.

«Счёт», - сказал он своим низким бархатным голосом.

Хидан недоумённо смотрел на бумагу, потом на своего босса, и снова на бумагу, - «Ты серьёзно?»

«Я же сказал, что выставлю тебе счёт, разве нет?»

«Ну да, но я думал ты пошутил».

«Я когда-нибудь шутил о деньгах?»

Хидан ненавязчиво улынулся, доктор подозрительно прищурился и протянул руку, чтобы снова взять газету, минуту изучал её и вздохнул.

«Мне же не нужно оплачивать это всё сразу? Потому что это бред какой-то. Ты мне что, КТ делал или чёртову трансплантацию?»

Он очень старался вести себя спокойно, и он знал, что у него не получается, и Какузу это точно замечал. Он ценил это и ненавидел одновременно. Он действительно не хотел никому ничего объяснять, он просто хотел, чтобы его оставили в покое.

«Нет, я сэкономил тебе время, просто вычитая из твоей зарплаты нужную сумму. И поскольку твои математические способности так же плохи, как твоё настроение сегодня, я озвучу для тебя - четыреста в месяц. К октябрю всё будет оплачено. Не за что.»

«Чёрт, отвали, говнюк. У меня отличное настроение». Но спасибо...

«А мне так не кажется».

«Не цепляйся, то, что я не прыгаю от радости, как дурачок, ничего не значит. Я просто не очень хорошо себя чувствую, вот и всё», - он немного приврал и сразу пожалел об этом. Какузу, конечно, сразу начал расспрашивать об его самочувствии, спрашивал о печени, болело ли у него что-то, тошнило ли, было ли головокружение. Хидан изо всех сил старался спокойно отвечать на каждый вопрос, не раздражаясь и не огрызаясь. На самом деле, это было чертовски приятно, что вредный доктор заботился о нём, и он чувствовал, что не за чем беситься, но, чёрт возьми, он имеет право быть сердитым сегодня!

Это утро было благословенно тихим, Итачи вышел, как обычно, в три часа ночи, чтобы убедиться, что Хидан уже проснулся. Звук посуды, поставленной в раковину, ненавязчиво

пробудил его ото сна. Это не совсем разбудило его, просто вернуло его чувства к реальности. И он почти задремал снова, пока диван не пошевелился, и он открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как Таюя и Итачи исчезают в коридоре. Через несколько секунд он встал, потянулся, хрустнул шеей и пошёл за ними.

И, конечно же, слышал весь их разговор, стоя за дверью.

Сукин сын, чёрт бы тебя побрал. Он повторял это в своей голове снова и снова, не позволяя никакой другой мысли появиться, чтобы не потерять контроль над собой и не впасть в безутешную ярость.

Ты, блядь, не мог мне этого позволить, а? Нет, о, нет, Хидану уже и так чертовски повезло, так что у него не может быть больше одного хорошего друга. Другие мысли всё равно не шли, и он в каком-то оцепенении вернулся в гостиную, плюхнулся на диван и принял ту же позу, в которой проснулся.

Ну, ты облажался и получил то, что заслужил. Ты знал, что всё идет слишком хорошо. Почему ты никогда не слушаешь? Заткнись, мозг, просто заткнись. На самом деле это не его вина. Он ничего не мог сделать, чтобы предотвратить это, и даже если бы он предвидел какую-то катастрофу, как, чёрт возьми, он должен был остановить её?

Единственный человек, который понимает, каково это - быть непоправимо сломанным... Перестань жалеть себя, придурок. Это произошло бы рано или поздно. Не будь идиотом.

Но я идиот. Да. Ещё какой. Глупый рассеянный Хидан. Понимаешь, к чему я веду? Ты ничего не можешь сделать правильно.

Заткнись, мозг!

Он не хотел злиться на неё. Он слышал её рассказ, объяснение, всё это было логично, он мог понять. Но это не помешало ему взбеситься. И, конечно, его реакция только разозлила его ещё больше. Эмоции опять путались, его это бесило, он пытался держать себя в руках, хоть раз в жизни вести себя, как взрослый человек. А потом все естественные эмоции, боль, чувство предательства, всё смешалось в одну большую кучу разочарования.

Это было несправедливо! И самая большая несправедливость - что он чувствовал себя виноватым. Зачем он себя винит? Вот почему ему не нравилось быть трезвым, вспомнил он. Из-за его проклятого мозга. По крайней мере, когда он был под кайфом или пьян, он мог винить во всём свои беспорядочные, нелогичные эмоции. Но прямо сейчас, что он должен был делать? Итачи всегда говорил ему, что демоны врут ему: "они врут, Хидан, не верь им". Но как им не верить? Как может его собственная голова врать ему?

Это твоя вина, это неоспоримо твоя вина, несмотря на то, что это бессмысленно.

Больше всего его беспокоило то, что Таюя думала, что он не сможет вынести правду. Что она может рассказать Итачи, да, каждый может поговорить с ебаным Итачи, но к нему она подойти с этой проблемой не могла!

Это было оскорбительно, с её стороны. Это было так просто, не правда ли? Все думают, что это какой-то ебучий героизм, врать другим, чтобы “защитить их чувства”. По крайней мере, когда он врал, он признавал, что делал это по глупым, эгоистичным причинам. Но нет, Хидан, я уйду и никогда больше не вернусь, не буду разговаривать с тобой, ничего не объясню, потому что не хочу причинить тебе боль. ЧТО ЗА БРЕД?

Обидно. Он был расстроен, но кое-что понял. Ему тоже не хотелось разбираться с этой драмой, честно говоря. Он заметил, что она ведёт себя странно, но никогда бы, чёрт возьми, не подумал, что это из-за того, что он ей нравится. И вот опять, рассеянный Хидан. Ничего не замечающий Хидан. Могла бы просто не прикидываться и сказать: “Ты мне нравишься, но я знаю, что это плохо, поэтому я уйду”. Честно говоря, ему было бы плевать. Ну, он бы немного расстроился, но хотя бы не бесился.

Его никто не принимал всерьёз.

«Ну, не будь идиотом. Скажи, если тебе станет хуже. Учиха уже заставил тебя вернуться к лекарствам?», - сказал Какузу, отвлекая Хидана от этих дурацких мыслей.

Он моргнул, не пытаясь скрыть тот факт, что на самом деле не слушал своего босса, если тот вообще что-то ещё говорил. Иногда ему просто нравилось витать в облаках, как какому-то чудаку, - «Э-э ... Лекарства? Да, он собирается поговорить с моим психотерапевтом, и я думаю, он будет выдавать мне половинки таблеток, чтобы постепенно я вообще перестал их принимать, без синдрома отмены, или типа того...», - и они будут следить за мной, конечно, я же чёртов беспомощный дурак, который не может о себе позаботиться. Он знал это, он это признавал. Он тоже не доверял себе, но как ему себе доверять, если ему не дают на это шанса? Как он должен был учиться? Здесь нет чьей-то вины, сказал он себе. Ни его, ни Итачи, ни Таюи, они просто пытаются делать то, что считают правильным.

В любом случае, это не имело значения. Нет причин думать об этом, только хуже будет. Играй картами, которые тебе сдали, Хидан. Надейся, что найдёшь пару тузов.

«Хорошо. Только не устраивай истерику. Я этого не выношу».

«Да ... Хорошо ...», - сказал он, сложив бумагу и убирая её в карман. Ну хоть кто-то относится к нему, как к нормальному человеку, - «Пациентка на семь не пришла. Чёртова сука. Я не понимаю, на кой чёрт они записываются, сами выбирают время, а потом просто не приходят. Неужели нельзя позвонить и перенести запись хотя бы?», - он бормотал, пытаясь отвлечь доктора от обсуждения его настроения. Он не хотел говорить об этом, он просто очень, очень не хотел говорить об этом. Он не хотел, чтобы Какузу тоже начал о нём демонстративно заботиться. Он бы не выдержал, если бы этот Дьявол стал вдруг милым и участливым только из-за его дурацкого мозга. Он просто хотел, чтобы всё было нормально. Чтобы все вели себя

нормально, тогда он бы тоже смог.

Боже, хоть раз в жизни, пусть все просто отвалит от меня.

«Люди забывчивы. Такое бывает».

«Бывает. Но меня это бесит. Просто тратят чужое время! Если бы я знал, что она не придёт, я бы записал на её место кого-то другого, кто точно пришёл бы».

«С каких пор тебя заботит трата чьего-то времени?»

«Не знаю. Это просто раздражает. Люди меня бесят».

«Что ж. Пожалуйста, только не показывай своё странное настроение пациентам. Сегодня у меня нет сил разбираться с их жалобами».

Хидан только хмыкнул в ответ, а Какузу ушёл в смотровую. Вдруг зазвонил телефон. Звонила пациентка на семь часов, сказала, что опаздывает. Да ладно, блядь, опаздываешь? Уже почти восемь! Он объяснил про пятнадцати-минутное ожидание при опоздании и записал её на другой день.

Он бросил трубку и повернулся, чтобы посмотреть на дверь, через которую ушёл его босс. Ну, он не очень-то старался, а? Боже, это просто смешно, теперь он злился, что Какузу не стал выпытывать у него причины его плохого настроения. Но он же не хотел об этом говорить?

Господи, да пошёл ты к чёрту, мозг. Серьёзно. Просто нахуй иди.

,

«Linkin Park?»

«Никогда не слышал»

«Ты никогда не слышал Linkin Park? Врёшь. Ты просто не помнишь. Давай я включу тебе одну песню».

«Я бы предпочёл, чтобы ты этого не делал, я пытаюсь работать».

«Это просто фоновая музыка. Можно же слушать музыку и работать одновременно», - сказал Хидан, клацая по клавишам ноутбука. Он притащил его с собой на работу сегодня по нескольким причинам. Во-первых, вчера был очень длинный и отвратительный день. Время

имеет обыкновение тянуться необычайно долго, когда твое психическое состояние на грани срыва. Ему нужно было как-то отвлечься, и он просто таскался за своим боссом постоянно, хотя тот уже не знал, чем его занять. Так что он решил найти способ себя отвлечь.

Во-вторых, как-то он хотел уйти на пятнадцатиминутный перерыв, чего не делал с самого первого дня, но Итачи не смог пойти с ним. В итоге он сидел за маленьким круглым столиком в глубине комнаты отдыха, постукивая пальцами по столу, потягивая кофе из пластикового стаканчика, оглядывая комнату, слушая тиканье часов на стене, шуршание бумаг из офиса Какузу, и решил, что это просто нереально. Просто удивительно, как доктор может работать в такой дурацкой раздражающей тишине!

Третью причину он придумал вчера во время ланча. Он нашёл способ проводить свой обед с пользой, радуясь, что может находиться рядом с Какузу и не краснеть, как чёртов подросток.

Ожидаемо, что доктор приносил обед из дома, в этот раз был какой-то салат, который, стоило признать, был чертовски вкусным (потому что Хидан стащил немного, пока тот пошёл за кофе). Он хотел было спросить, сам ли Какузу его сделал, но вовремя опомнился, что этим вопросом он бы просто спалился. Несмотря на странные, неопределённые отношения, которые у них были в данный момент, Какузу, скорее всего, этого бы не оценил...

«Итак ...», - сказал Хидан, откусывая кусок своего наспех сделанного сэндвича с ветчиной и сыром.

Какузу нахмурился, - «Ради бога, не говори с набитым ртом!».

Хидан закатил глаза, быстро прожевал и продолжил, - «Итак...», - повторил он, выжидательно глядя на Какузу. Доктор вопросительно посмотрел на него, но промолчал. Хидан продолжал смотреть, - «Мы так и зависнем с тобой в неопределённости до конца жизни или как?»

Доктор снова поднял бровь.

А Хидан снова закатил глаза, - «Серьезно? Ладно. Я в твои игры не играю. Что с нашей ситуацией?»

Какузу спокойно откусил салат, задумчиво пережевал, и вздохнул, - «Я не знаю», - Хидан облегченно выдохнул. Слава богу, он не уклонялся от вопроса и не пытался сделать из Хидана идиота. И если Какузу не избегает этого, он тоже не будет.

«Хорошо, пожалуй, я изложу тебе ситуацию. Ты мне нравишься, я тебе нравлюсь, но это секрет. Довольно просто, хм?»

Какузу хмыкнул, не встречаясь с ним взглядом. Хидан поморщился, - «Итак, когда мы наедине, как сейчас, нам не нужно вести себя как обычные сотрудники, верно?»

Какузу с опаской посмотрел на него. Хидан обрадовался, что сейчас он не был таким бесчувственным, как обычно, - «Если ты предлагаешь мне трахнуть тебя на столе, ответ - нет».

Хидан засмеялся, и ещё раз откусил свой бутерброд, специально начиная говорить с набитым ртом, просто чтобы подразнить своего босса, - «Так странно слышать от тебя подобное. Не, я имею ввиду, мы же можем разговаривать и больше друг о друге узнать?»

«С чего ты решил, что я хочу больше о тебе знать?»

«Аааа, вот оно что, извращенец, всё с тобой ясно, тебе только одного и надо...»

«Не будь идиотом».

Хидан пожал плечами, откладывая еду, он съел половину, это лучше, чем ничего. Так что Дьявол не мог его упрекнуть, - «Тебе нечего бояться», - вдруг посерьёзнев, сказал он. Его взгляд стал суровым, и он посмотрел на доктора, - «Я не сумасшедший. Я признаю, что я немного странный, но в наши дни все странные ... Какузу ...», - он замолчал, не зная, что он хотел сказать и что он вообще пытался сказать, к чему он вообще начал этот разговор, но ему так нравился Какузу. Это было ясно и просто, и больше не было нужды копаться в мыслях и эмоциях. Его не обижало, что доктор не показывает своего интереса к его жизни, но ему самому очень хотелось узнать о том больше. Его даже потряхивало от любопытства. И самое главное - больше никаких игр.

«Что?»

«Просто относись ко мне как к личности ... хорошо? Не меняйся»

Какузу вопросительно взглянул на него.

«Я имею в виду, не думай, что ты должен защищать меня от себя ... или ... типа того. Я ненавижу это. Я буду честен с тобой, ты будешь честен со мной, и мы оба будем вести себя как мужчины».

Какузу хмыкнул и вернулся к еде, - «Я не собираюсь баловать тебя, и потакать во всём, как делают все остальные. Я это уже давно решил».

«Точно», - ответил Хидан, улыбаясь. Хорошо. Честность - это всё, чего он хотел. Даже если правда могла быть горькой. Ему нравился этот говнюк, потому что ему было плевать на многое. Это было что-то настоящее, и он хотел, чтобы так и оставалось.

Какузу задумался на секунду, сдерживая смех. "...будем вести себя как мужчины". То, что они делали, уже не совсем попадало под эту категорию. Боже, Хидан, что ты несёшь...

«Я должен предупредить тебя, меня часто называют приставучим».

«Я в курсе», - быстро ответил Какузу, - «Меня часто называют мудаком».

«Но ты и есть мудак».

«А ты действительно приставучий».

«Отлично. С этим разобрались».

«Да, теперь я могу спокойно пообедать?»

«Неа. Я же приставучий, помнишь?»

Итак, Хидан принял решение узнать о Какузу больше, любыми способами. А как лучше всего понять человека, если не с помощью музыки? Никакие слова не скажут больше, чем музыкальный вкус.

Поэтому он принёс свой ноутбук. И вот они снова на обеденном перерыве. Какузу, видимо, даже поесть сегодня не успел, потому что пытался решить какую-то проблему, связанную с мошенничеством со страховкой. Новая пациентка пришла на сонограмму, назвала поддельное имя и дала карточку, которую она, очевидно, украла у кого-то другого. Само собой, страховая отказалась платить за сонограмму, потому что оказалось, что карта принадлежит мужчине, и они заподозрили что-то неладное, когда Какузу отправил им счёт на оплату на имя девушки, которая боялась, что может быть беременна. С настоящим владельцем карты связались, но всё равно отказались платить. И теперь висел неоплаченный счет, с которым нужно что-то делать.

От этого у Какузу было ужасное настроение, но Хидан всё равно настаивал, что музыка как-то улучшит ситуацию.

«Все любят Linkin Park. Все их песни хороши, я не знаю ни одной, которая бы мне не нравилась».

«Поздравляю», - проворчал Какузу, опираясь головой на руку и изучая какой-то документ на столе.

Хидан щёлкнул по клавишам, - «Правда все их песни грустные или тяжёлые, потому что почти все они о дерьмовых ситуациях. Но я думаю, именно это и находит в людях такой отклик. Негативные эмоции всегда самые сильные. Послушай эту, такое у каждого бывало хоть раз в жизни...», - бормотал он, не обращая внимания на раздраженный вздох Какузу.

«Это начинается с одного и того же, я не знаю, почему. И неважно, как сильно ты стараешься

держат это в своей голове, я сочинил эти стихи, чтобы объяснить в нужное время. Всё, что я знаю. Время — слишком дорогая вещь. Смотри, как оно идёт с каждым движением маятника. Смотри, отсчитывай минуты до конца каждого дня. Часы отсчитывают нашу жизнь. Это так нереально. Я не заглядываю вперёд, взгляни, почувствуй, как летит время. Я пытаюсь его остановить, но я даже не знаю, что потратил время впустую, наблюдая за тем, как ты уходишь...»

«Нет», - вдруг сказал Какузу, и Хидан замер, нахмурившись.

«Что? Это ещё не самая лучшая часть, ты слушаешь слова?»

«Я похож на того, кому это может нравиться?»

Хидан фыркнул. «Просто послушай. Вслушайся в слова. Я подумал, что ты-то точно их поймёшь. Тут смысл в том, что не стоит тратить время и силы на всякую херню, которая того не стоит. Когда хочешь чего-то так сильно, что тратишь на это все свои силы, а оно всё равно не происходит», - он снова нажал кнопку воспроизведения, прежде чем его босс успел что-то сказать.

«Я всё держал внутри себя и хотя я и старался, всё было напрасно. Что раньше для меня так много значило, теперь будет лишь воспоминанием...».

«Это похоже на нытьё». - упрямо сказал Какузу, и с драматическим вздохом Хидан остановил песню, покусывая губу, пытаясь вспомнить какую-нибудь другую песню. Ну, это уже что-то. И стоило признать, что эта песня больше подходила ему самому, чем доктору. В конце концов, мечты Какузу, видимо, имели свойство сбываться, он всё-таки, был успешным человеком.

Так, не нравилась «ноющая» музыка. Ну, Какузу был злюкой. Может, ему нравилась “злая” музыка.

«Слышал о Trap?».

«Нет».

«Конечно, нет. Могу поспорить, тебе понравится эта песня, она называется Headstrong, это точно про тебя».

«Headstrong» синоним «упрямства» и «высокомерия», ты же не думаешь, что это комплимент...»

«Пф, умоляю, Какузу, с чего бы мне делать тебе комплимент?», - Хидан хихикнул, пытаясь найти песню, - «Замолчи и слушай».

«Кружа твою, кружа твою, кружа твою голову, рассматривая все, что ты когда-либо говорил, теперь я вижу правду, и во мне поселилось сомнение. В твоих глазах другой мотив и теперь я ухожу. Увидимся позже! Я вижу твою фантазию, ты хочешь сделать ее реальностью, вымощенной золотом. Посмотри внутрь, внутрь нашего разума. Ну что ж теперь все кончено. Я вижу твои мотивы, решения скрыться»

Хидан играл на воображаемых барабанах и начал петь вместе с припевом, ухмыляясь Какузу, когда тот устало посмотрел на него.

«Выключи ради всего святого этот чёртов шум! Я пытаюсь работать!».

Хидан щелкнул языком и остановил музыку, - «Это обеденный перерыв, ты можешь отложить свои бумажки на ...», - он взглянул на часы, - «полчаса. Ты злишься, сделай перерыв. Эта сучка из другого города, её невозможно отследить. Да, ты потерял деньги, просто смиришься с этим».

«Никто не смеет меня обманывать», - зарычал Какузу, злобно смотря на документы, будто это их вина. Он сердито что-то набросал на бумаге и убрал документ вниз, доставая следующий.

«Тебе нужна музыка, чтобы расслабиться».

«Мне не нужна никакая грёбанная музыка, Хидан».

«Ммм ... Black Eyed Peas? Слышал о них? У них есть песня "Where is the love", чертовски популярная была, когда я был мелким».

«Нет».

«Нет - не нравится, или нет - не слышал?»

«И то и другое».

«Как, блядь, тебе может не нравится песня, которую ты никогда не слышал?».

«Потому что я старый и мудрый».

Хидан очень старался сдерживать смех, но не смог. Какузу оторвал взгляд от своих документов на секунду, быстро удивлённо взглянув на альбиноса, и снова вернулся к ним. Это заставило Хидана задуматься. Точно, он всё неправильно делает. Какузу был из другого поколения, конечно, ему не нравилась музыка Хидана, ему нравилась его собственная. Какузу было сорок шесть, значит ... семидесятые? Правильно? Может, ему нравится что-то из той музыки?

Нет ... подождите ... ему нужен период молодости, а не детства. Он на секунду представил Какузу ребёнком, не смог, но эта мысль теперь будет его преследовать. Итак, он был бы подростком в восьмидесятых. Он мог слушать музыку того времени.

«Аааа, хорошо. Я понял. Как насчёт этого?», - он поднял громкость и нажал кнопку воспроизведения. Survivor - Eye Of The Tiger. Он скрестил руки и улыбнулся, качая головой под музыку. Какузу смотрел на него практически минуту, пока играла песня, а Хидан продолжал нелепо пританцовывать сидя и подпевать. В конце концов это окупилось, и доктор едва заметно, молча покачал головой и вернулся к бумагам.

«Терпимо», - проворчал он.

«Ахах! Видишь, я смог! Просто нужно немного постараться», - сказал Хидан, победно вскидывая руки вверх.

«Хорошо, вот для тебя упражнение. Какая песня тебя бесит, но подсознательно нравится?», - что может быть лучше, чтобы узнать кого-то, чем узнать о чём-то, о чём этот кто-то не хотел говорить?, - «Например, я как-то поймал себя на том, что подпеваю Ke\$ha's 'Blow', когда она по радио играла, хотя она бесит меня до невозможности».

«Я не люблю музыку. У тебя что, нет работы?».

«Все любят музыку, Кузу. Не вредничай. И сейчас обед, чёрт возьми, так что если у меня и есть работа, я по закону могу её не делать ровно до 13:00», - он искал другие популярные песни из восьмидесятых. Просматривая записи, обдумывая свои мысли, он нашёл одну, приглянувшуюся ему и щёлкнул по ней. Он посмотрел на своего босса и хотел сказать, что нашёл кое-что, и встретился с недоумевающим взглядом, - «...Чего?».

«Как ты меня назвал?».

«Что?».

«Ты назвал меня "Кузу"».

«А, да. Назвал», - ответил он небрежно, возвращаясь к ноутбуку, - «Это прозвище, дедуль».

«Меня устраивает моё имя. Не называй меня так».

«Как тебя не называть, Кузу?», - ехидно сказал Хидан, ухмыляясь.

«Если ты ещё раз это скажешь, я задушю тебя».

«Пф, это мило, и ты тоже так думаешь».

«Мило?».

«Да. Кузу, охуительно мило».

«Я не милый. Это оскорбление. Мне тебе нужно напоминать, что я твой начальник, когда мы в этом здании? Если ты назовёшь меня как-то, кроме “сэр” или “доктор” до конца дня, я вычту у тебя из зарплаты штраф за непристойное поведение».

«Пф, ты и так у меня все деньги забрал на оплату счёта за то, что спас мою жизнь, хотя я и не просил».

«Если тебе хочется умереть – я могу помочь».

«Ага, тогда на чью задницу ты будешь смотреть, как когда я документы пациентов по шкафам раскладываю?», - ответил Хидан, оторвавшись от экрана компьютера и улыбнувшись Какузу, получая в ответ молчаливый взгляд, - «Ааа, Кузу, ты правда пялишься на мою задницу! Я же просто пошутил, но что ж, приятно знать. Я польщён».

«Закрой свой наглый рот и убирайся из моего кабинета, пока тебе не пришлось остаться тут до ночи вытирать кровь свою с пола».

«Кстати, случайный факт - вид крови меня очень возбуждает. И вкус, и запах, и ощущение. Запомни это на будущее-»

«УБИРАЙСЯ!»

«Привет, Хид!»

Хидан поднял глаза, услышав звонкий женский голос, зовущий его по имени, и стиснул зубы. После той вечеринки случайные незнакомцы, особенно девушки, появлялись в клинике под дурацкими предложениями, только чтобы пофлиртовать с ним. Его даже узнавали на улице, все фамильярно к нему обращались, будто они внезапно стали лучшими друзьями.

Он моргнул от этой случайной мысли и поднял серебряную бровь, не испытывая ни малейшего удивления, - «Я могу вам помочь?»

«Я записана на три часа. Ты ... не делай вид, что ты меня не знаешь».

«Ммм нет. Не знаю. Доктор будет через секунду, можешь пока присесть».

«Я Хируко! Мы танцевали вместе на твоей вечеринке ... помнишь? Ты сказал, что хотел ... сделать что-то с моими волосами ...»

Он посмотрел на неё со скукой, сдерживая раздраженный вздох на случай, если Какузу был поблизости, ища повода поймать Хидана на чём-то, за что можно было наорать. У неё действительно были потрясающие волосы, они были обесцвечены, буквально, чисто белые. По тону кожи было видно, что они крашеные, а её глаза были фиолетового цвета, очевидно, это были линзы. Ебанный позер, кто, блядь, изображает из себя альбиноса? Серьёзно? У людей нет стыда.

Технически она пациентка... поэтому он должен быть милым. Какой поворот событий, всего несколько месяцев назад он сделал бы всё возможное, чтобы флиртовать с каждой девушкой, заходящей сюда. Теперь он просто хотел, чтобы они все просто исчезли, - «Я ничего не помню из той ночи», - кроме языка своего босса у меня во рту, - «Я тогда себя не особо контролировал. Обычно я даже не танцую», - сказал он честно, надеясь, что она поймёт намёк на то, что он просто нажрался и не собирался выполнять обещания, данные по-пьяни.

Она не поняла.

«Оох, но ты был так хорош! И у тебя убийственный голос! Romprei - одна из моих любимых песен. Я дала тебе свой номер, но ты мне так и не позвонил ...»

«Какой из десяти был твоим? Подожди, это ты написала свой номер прямо на мне маркером!? Я потратил чёртову вечность, чтобы его оттереть», - он наврал, да, кто-то, но не она, написал ему на руке свой номер, но половина сама стёрлась. Но он просто ляпнул это, чтобы вызвать в ней ревность, либо разочарование, потому что он такой же, как и все другие парни, у которых только одно на уме.

Она моргнула, открыв рот в безмолвном удивлении. Ему было всё равно, Какузу ведь любил быть мудаком, почему бы и ему не попробовать? И не то, чтобы он был какой-то шлюхой, но эти тупые сучки сами ползали по нему. Он, конечно, от них не отбивался, но, чёрт возьми, он был пьян до невозможности.

Кто-то кашлянул и привлёк его, и Хируко, внимание. Они оба сосредоточились на докторе, стоящем недалеко от них со скрещенными руками, - «Хидан, кажется, я предупреждал тебя о том, чтобы ты следил за языком при пациентах».

«Э-э ... Извините ...», - сказал он с таким лицом, чтобы было хорошо видно, что он совсем не сожалеет, - «Эй, босс, это Хируко. Она хочет меня трахнуть. И она записана на три часа».

«ХИДАН!»

«Что!? “Трахнуть” не плохое слово!»

Хируко стояла абсолютно неподвижно, и альбинос ухмыльнулся, чувствуя её унижение. Ну, коза, что же ты больше не выпендриваешься? Может, не стоило так делать, она ведь теперь начнёт распускать слухи. Он устал от своей внезапной популярности, это же всё чёртов обман. Все избегали его до этой глупой вечеринки, зато теперь он резко стал таким загадочным парнем с тяжёлой судьбой и прекрасным голосом. Глупые девки.

Он не мог допустить, чтобы это стало достоянием общественности, потому что, несомненно, поползли бы слухи о его незаинтересованности в девушках и о какой-нибудь выдуманной связи с Итачи, который теперь был печально известен своими отношениями с Хошигаки, который также был "ничего особенного" до той ночи, но теперь тоже получал излишнее внимание. Грёбаное общество, люди просто смешны.

«С тобой я позже разберусь», - зарычал Какузу, провожая бедную ошеломленную девушку в смотровую, глядя на Хидана долгим уничтожающим взглядом.

Он закрыл лицо руками и вздохнул. Почему всё так сложно, большой брат ... О чём ты думал?

О ЧЁМ Я ДУМАЛ!?

Это испытание становилось всё хуже и хуже, черт возьми. Почему? Почему Хидан? Он знал, что тот был невероятно раздражающим, и Какузу подумал, что он уже не сдерживался все те месяцы, когда они просто пытались работать, не замечая друг друга. Оказывается, сдерживался, о боже, как много он скрывал!

Наверно потому, что иногда он всё-таки молчит, потому, что он делает всё, что Какузу говорит ему и делает это без ошибок и отговорок, потому, что он постоянно вертится вокруг него с этой проклятой улыбкой, от которой было трудно отвести взгляд.

Это была своего рода пытка - просто и понятно. Как он мог продолжать нормально функционировать, когда ему приходилось иметь дело с этим идиотом каждые пять секунд!? Что случилось с ответственным, спокойным работником, который был у него всего неделю назад? Какузу Хоку отдал бы всё, чтобы снова возненавидеть этого засранца за то, что тот хорошо делает свою работу. То дерьмо, с которым он сейчас имел дело, было хуже, намного хуже.

Когда он подвёз Хидана до его дома, когда тот потянулся и поцеловал его, несмотря на то, что

их было, вообще-то, отлично видно для любого прохожего (которых, слава богу, не было), он был потрясен, он был в ярости, что этот болван осмелился сделать что-то подобное, ещё и на глазах своей подруги. Но это была не та злость, от которой хотелось что-нибудь разнести, а та, которая просто заставила его приехать домой, быстро раздеться, принять душ и сердито заползти в постель, с головой накрываясь одеялом, несмотря на то, что он не так уж и хотел спать.

Постепенно злость снизилась до раздражения. Теперь он бесился из-за того, что не мог заснуть, потому что сердце зачем-то быстро стучало, не желая успокаиваться.

Чёрт возьми, он хотел спать, чтобы быстрее наступило завтра, и он мог продолжить жить своей нормальной жизнью. Эти выходные были чёртовой трагедией ... и всё же ... он смог расслабиться и успокоиться только тогда, когда вспомнил одну конкретную сцену снова и снова. Он вздохнул, полностью избавляясь от нервозности, и, наконец, уснул.

Неделя проходила довольно сносно. Каждый день, каждый проклятый день этот бледный идиот делал что-то, что должно было вывести его из себя до такой степени, что при любых других обстоятельствах он бы кричал и сломал что-нибудь. Но вместо этого он только ловил себя на мысли, что не злится, а хочет рассмеяться или поцеловать это тупое лицо напротив, и это, почему-то, успокаивало.

Его бесило, что подобная ерунда вообще засела в его голове, но думать об этом он не мог. Это несправедливо.

В первый же день, в понедельник, он обедал в комнате отдыха, а не в своем кабинете, сам не зная почему, просто так. Что само по себе было довольно странно, поскольку доктор Хоку редко делал что-то без причины. Хидан явился с бутербродом, сел напротив и улыбнулся ему. В тот момент у него в голове шла война апокалипсического масштаба, пытаясь решить, стоит ли ему остаться здесь или лучше уйти в свой кабинет. Что ж, он уже развернул свой обед, уходить было поздно.

В то утро Хидан снова был мрачен и меланхоличен, как и в пятницу. Сегодня был его настоящий день рождения, но доктор уже поддался на эти глупые уговоры на вечеринке и отказался поздравлять его снова. И, похоже, это не было проблемой, так как, когда он сел за стол в зоне отдыха, Хидан снова казался спокойным, если не считать странного разговора, который произошёл между ними.

«Просто относись ко мне как к личности ... Хорошо? Не меняйся».

Эта фраза озадачила его, и его бесило, что, в целом, это было здоровое утверждение. В первые пару секунд он не понимал, что Хидан имеет в виду, а потом понял, что эти два предложения, взятые в одном контексте, не имеют смысла. Если под "обращайся со мной как с личностью" он имел в виду "перестань быть таким ослом", то почему он просит его не меняться? Потом ему пришло в голову, что, возможно, он произнес эти фразы задом наперёд. Он хотел сказать: "не переставай быть засранцем. Обращайся со мной так же, как с любым другим". В этом, кажется,

был смысл, и по какой-то причине ему правда это нравилось. Что именно нравилось, он не знал, но знал, что не может оторвать глаз от этого странного человеческого существа, сидящего перед ним. Ему удалось сделать так, чтобы это выглядело как какой-то вопросительный взгляд, чтобы Хидан не начал опять его дразнить.

«Я имею в виду, не думай, что ты должен защищать меня от себя ... или ... типа того. Я ненавижу это. Я буду честен с тобой, ты будешь честен со мной».

В понедельник всё было не так уж плохо. на самом деле. Хидан не был инфантильным в том, что было между ними, он был непринужденным и спокойным, не делая никаких неловких действий или просьб. Это было приятно. Какузу был более чем доволен такой реакцией, Хидан действительно удивлял его на каждом шагу, он ожидал, что он будет похож на надоедливого комара, который попытается внушить ему все свои собственные мысли, идеалы и все такое. Но в он этого не сделал.

Во вторник было совсем другое дело.

Маленький придурок принёс свой дурацкий ноутбук на работу. Сегодня Какузу остался на обед в своём кабинете, но Хидан добрался и туда, удобно устроившись по другую сторону стола. Так что он не стал доставать еду, а вместо этого притворился, что очень занят разбирательствами со страховой и тем случаем мошенничества. Хидан намёка не понял. Он просто сидел и болтал без умолку о музыке.

Как же все носятся с этой музыкой.... Это было просто смешно. Это просто музыка! Придите в себя! Это не ваша душа, облечённая в форму неосязаемых звуков, которые не помогут тебе есть, дышать, платить по счетам.

Он не ненавидел музыку, ему было просто всё равно. Конечно, были песни, которые он находил приятными, но их было немного. В любом случае, он был слишком стар для этой чепухи. И, откровенно говоря, то, как Хидан его допекал, бесило и, в то же время, интересовало, разумеется вызывая раздражение. Потому что глупо, чёрт возьми, что что-то, до чего ему не было дела, вдруг стало его интересовать только потому, что Хидану это нравилось.

Вот опять. Это несправедливо.

Музыкой Хидан не ограничился. Как он и ожидал, альбинос начал отпускать нелепые шуточки и комментарии по поводу их... ситуации. Он не собирался называть это отношениями, потому что до сих пор это был всего лишь глупый поцелуй, и он даже не был уверен, почему, чёрт возьми, он хотел этого так сильно, и так сильно этим наслаждался. И он продолжал думать об этом постоянно, настолько одержимый этой мыслью, что начинал думать, что безумие Хидана было заразительным. Боже, каждый раз, когда он смотрел на это лицо слишком долго, он видел, как тот о чём-то думает, видел его эмоции, как он кусал губу и хмурил брови, сосредотачиваясь. И называл его Кузу. О ради всего святого, почему было так тяжело притвориться, что ему не нравится это прозвище? Почему оно ему вообще нравится!? Это же ужасно! Это было просто смешно. Абсолютно нелепо. То, что этот идиот имел наглость так его

называть, и то, что ему самому хватило наглости признать, как прекрасно это звучит из уст Хидана.

Блядь. Что происходит? О чём, чёрт возьми, он думает?

И Среда, ооооо среда... Это стало последней каплей. Ему было все равно, когда Хидан не контролировал себя при нём, но он предупредил его в первый же день, что будет строго наказан, если скажет ещё хоть одно нецензурное слово в присутствии пациентов. Даже если это был кто-то, пришедший только для того, чтобы пофлиртовать с альбиносом. Даже если это раздражало его, даже если это заставило его мысленно улыбаться, глядя на её потрясённое, обиженное лицо. Когда вы связывались с его пациентами, вы связывались с его бизнесом, а когда вы связывались с его бизнесом, вы связывались с его деньгами. И никто, никто не трогал деньги Какузу Хоку.

«Что, чёрт возьми, с тобой не так!?», - зарычал он, стукнув рукой по столу и наклоняясь над ним, чтобы строго посмотреть в розовые глаза.

«Что?! Она флиртowała со мной! Я просто был честен!»

«Ты специально ей нагрубил, и я слышал, что она не дала веского повода для этого!»

«Пффф, она дала для этого очень жирный повод, Кузу».

«Я говорил тебе перестать называть меня так!»

«А я тебе сказал, что мне всё равно. Я просто представил её тебе так, как она хотела быть представленной – как шлюха».

«Если ты хотел этим что-то продемонстрировать, я скажу тебе – это не сработало. Ты просто смутил человека своим идиотизмом».

«Ты думаешь, я пытался заставить тебя ревновать? Ради всего святого, Кузу, не всё, что я делаю и говорю, касается тебя».

«Если ты снова меня так назовешь, Хидан ... я клянусь ...»

«Прекрати быть таким упрямым. Здесь никого нет! Не переживай-»

«Хидан!», - рявкнул Какузу, внезапно схватив его за футболку и вытаскивая из-за стола. Ему снова захотелось улыбнуться от того, какими удивлёнными и круглыми стали розовые глаза. Он притянул его почти вплотную к себе, - «Мне надоело такое поведение. Я сказал тебе, что не собираюсь тебя баловать, и я не позволю тебе себя так вести. Если ты меня испытываешь, то

мне это не нравится, так что ты просто прекратишь это, сейчас же. Никаких компромиссов и альтернатив. Просто... прекрати»

Глаза Хидана оставались широко раскрытыми, и он пытался успокоить злость, которая внезапно вспыхнула в нём. У него это получилось, и довольно легко, потому что он был вполне доволен собой сейчас. Слава богу, я ещё не разучился быть мудаком. Какое-то время он даже переживал, не потерял ли он свою способность злиться на Хидана.

Он отпустил альбиноса, наслаждаясь его поникшим видом, - «Если тебе хочется поиздеваться над этой девчонкой, выследи её после рабочего дня, где-нибудь подальше от моей клиники. Если я увижу ещё раз что-то подобное, ты будешь сожалеть о дне, когда ты меня встретил. Ты понял?»

Хидан резко кивнул, всё ещё удивлённый. Какузу прищурил глаза и ухмыльнулся.

«Когда следующий пациент?»

«Три тридцать», - сказал Хидан, затаив дыхание.

«Тогда ты можешь отдохнуть, чтобы собраться, ты выглядишь как идиот, таращащий глаза».

«Ну, ты раньше просто ругался, и не делал ничего подобного ...»

«Ты боишься?»

«Нет».

Какузу помедлил, поворачиваясь, чтобы вернуться в свой кабинет, и обернулся, чтобы посмотреть на Хидана. Он только что сказал, что не боится? Дурь несусветная. Чушь, не испугался он, посмотрите, до сих пор стоит с круглыми глазами, как олень в свете фар. Опять бесит, маленький лжец.

«Я же говорил тебе, я ненавижу, когда меня обманывают», - проворчал Какузу.

«Я не боюсь», - снова сказал Хидан, его небрежный голос не очень хорошо сочетался с выражением его лица. Он так и стоял, будто заледенел. Его дыхание всё ещё было тяжелым, хотя и не быстрым, с слегка приоткрытым ртом, и он несколько раз нервно облизал губы.

Какузу поднял бровь. Нет, похоже он правда не был напуган, это не похоже на страх. Он выглядел шокированным, да, но было что-то ещё. Что, чёрт возьми, происходит в этой проклятой голове?, - «Тогда что с тобой, чёрт тебя дерит?»

В течение следующих пятнадцати минут не было сказано ни единого слова. Потому что Какузу был полностью застигнут врасплох тем, что в него фактически врезался Хидан, из-за чего его отбросило спиной к стене, так удачно (хвала богам!) оказавшейся позади. Бледные холодные руки на шее, тело, прижимающееся к нему, и тёплые мягкие губы, вовлекающие в какой-то дикий поцелуй. Он даже не мог связно думать, пока тело предательски поддавалось. Он наклонился, заставляя Хидана подчиниться, руки инстинктивно потянулись к этой идеальной мужской заднице.

Проклятье.

,

«Кто-нибудь тебе говорил, что ты чертовски сексуален, когда злишься?», - сказал Хидан, когда вернулся с перерыва, вставая критично близко рядом с Какузу. Пахло табаком.

«Нет. И “милым” меня тоже не называли», - ответил он ворчливо.

«Я просто полон сюрпризов, а?»

«Раздражающих сюрпризов».

«Я предупреждал тебя, я раздражающий парень».

Какузу закончил вытирать стол в смотровой стерильными салфетками и стянул перчатки, чтобы выбросить это всё в мусор. Обычно здесь наводил порядок Хидан, но доктор отпустил его на перерыв, даже разрешил ему сделать перекур, просто чтобы тот ушёл хоть ненадолго.

Никогда прежде ему, за все двадцать лет работы здесь, за все предыдущие годы в качестве стажера, не приходилось проводить осмотр семилетнего ребёнка, пытаясь скрыть бессовестный стояк. Он отлично справился, ни мальчишка, ни его мать ничего не заметили. Но когда они ушли, он просто наклонился над столом, закрывая лицо руками, и стоял так несколько минут.

Хидан Сан, несомненно, станет причиной его смерти или смерти его бизнеса.

Ребёнок был в добром здравии, и обследование заняло не более десяти минут, в результате чего у него было аж пять минут тишины и покоя, чтобы попытаться понять, что только что произошло и почему он позволил этому случиться. Ах да, какой прекрасный способ наказать подчинённого! Какой замечательный способ повысить градус угрозы, просто трахнуть его рот своим!

Господи, он точно сходил с ума.

Он рассеянно принялся за уборку, стараясь не стоять в этой глупой задумчивой позе. Он мог принять своё поведение на вечеринке – он пил, и это мешало ему себя контролировать, распаляя чувства. Но всего несколько минут назад, как только эти бледные чёртовы губы прижались к его губам, это случилось снова, и винить в этом было нечего.

Он просто не мог себя остановить ...

Тёплое тело прижималось к нему так сильно, не мягкое и соблазнительное, как у женщины, а жёсткое, мускулистое, но кожа была такой же мягкой, он ощущал это везде, куда прикасался. Хидан подчинялся, но не полностью, с протестом отталкиваясь, и жадно прижимаясь ближе, настолько, насколько вообще физически возможно. Тёрся о его бедра и пах, цеплялся за него пальцами, впивался ногтями в шею, спину. Больно, но приятно. Какузу слышал звуки, которые он сам издавал, как голодный зверь, рычание и тяжёлые шипящие вдохи, требуя сильнее и больше, как будто сражаясь с Хиданом за его тело.

Хидан издавал те же самые звуки, никаких девчачьих стонов, только хриплое рычание, ругательства шёпотом, шипение торопливо втягиваемого воздуха. Он не уступал, не давал Какузу того, что он хотел, боролся с ним, так же требовательно, чтобы Какузу уступил ему. Он прижимал доктора к стене, пытаясь занять какую-то доминирующую позицию, но на самом деле не мог этого сделать, а может, не сильно старался. Это было совсем не так, как в первый раз, пьяный Хидан был покорным, сексуальным, готовым... Но трезвый Хидан был... неудержимым.

Какузу сильно прикусил нижнюю губу Хидана, и тот зашипел. «Ох блядь ... Боже ...», - прорычал он, прижимаясь ближе. Какузу улыбнулся, задрал его футболку, скользнул руками по спине и грубо вонзил ногти. «Мммннн, ЧЁРТ!», - Хидан выгнулся, ещё сильнее толкаясь бедром, и резко укусил доктора в плечо.

«Кстати, случайный факт - вид крови меня очень возбуждает...»

Хидан действительно был своего рода мазохистом, ему нравилась боль. Ему нравились угрозы, ему было не страшно, это было эротично. Какое совпадение, потому что угрожать людям, заставлять их бояться, ранить их - было приятно для Какузу.

Какие открываются возможности...

Хидан как раз начал снимать с Какузу больничный халат, как вдруг звякнул колокольчик на входной двери, и они мгновенно оторвались друг от друга, словно кто-то гигантскими невидимыми руками схватил их и отшвырнул в стороны.

«Привет!», - весело сказал Хидан, спешно возвращаясь за свой стол. Женщина оторвалась от возни с рубашкой сына.

«О! Здравствуйте, мы на три тридцать!», - ответила она, не замечая, как Хидан провёл рукой по волосам, кашлянул и поправил футболку.

«Я приведу его в смотровую», - боже, как ненатурально. Этот человек так прекрасно прикидывался вежливым с первого дня, но сейчас, чёрт возьми, он явно переигрывал. К счастью, эта женщина была матерью и поэтому постоянно отвлекалась на своего ребёнка или какие-то другие мысли. Либо она была просто невероятно ненаблюдательна, либо ей было всё равно. В любом случае, это было хорошо.

Именно в этот момент Какузу сказал Хидану пойти покурить или ещё что-нибудь сделать, чтобы взять себя в руки. Идиот согласился достаточно охотно, хитро ухмыляясь в ответ, прежде чем исчезнуть за дверью. Какузу поправил воротник, халат, и устроил настоящее представление.

«Спасибо», - внезапно сказал Хидан, отрывая его от мыслей. Он недоумённо моргнул в ответ, снова стоя излишне близко.

«За что?»

«За то, что вёл себя как мужчина»

Он снова моргнул, думая, что то, что они только что сделали, было далеко от “мужских” поступков. Непосредственно после этой мысли он вспомнил об их разговоре, и ему снова пришлось сдерживать себя, чтобы не рассмеяться.

«Так это была проверка», - проворчал он недовольно.

Хидан усмехнулся, - «Нет, я даже не подумал об этом. Я не знаю, у меня последнее время было поганое настроение, но ты правда сделал то, о чём я просил. Это так охуенно. Тачи сказал бы что-то вроде: “Хидан, нам нужно поговорить о твоих чувствах”. Мне не нужно это дерьмо, разговоры не всегда помогают. Иногда мне просто нужен удар по лицу».

Какузу поднял бровь, - «И ты решил, что нужно спровоцировать... это?»

Альбинос повернулся и махнул рукой, - «Нет, я же тебе уже сказал, ты пиздец сексуален, когда бесишься. И не веди себя так, будто тебе это не понравилось, придурок».

Какузу хмыкнул, опустив глаза и уставившись в пол, - «Предупреждение остается в силе. И теперь я добавлю ещё один пункт в правила поведения: не смей устраивать подобное в рабочее время, иначе останешься без зубов».

«Ja Führer, wie Sie möchten», - сказал Хидан, салютуя рукой, и быстро уселся в своё кресло.

«Sprechen Englisch, dummkopf»

Ответ Какузу застал Хидана врасплох, и тот позволил себе улыбнуться, прежде чем засунуть руки в карманы своего врачебного халата и развернуться, чтобы уйти, - «Возвращайся к работе»

,

Вопрос, казалось, был решён. Хидан вернулся к своим приличным манерам, по крайней мере, по большей части. В течение рабочего дня он старался быть таким, каким был раньше, профессиональным и умеренно уважительным. Он никогда не заговаривал с Какузу, если тема не касалась работы или тот сам к нему обращался. Однако, когда наступало время обеда или перерыва, он снова становился раздражающим говнюком. Он снова взял свой ноутбук на работу и, как и раньше, продолжал пытаться разгадать тайну, какую музыку любит Какузу, хотя тот неоднократно говорил ему, что никакой тайны нет.

Какузу оставил попытки запрещать Хидану называть его "Кузу". Казалось, чем больше он давал понять, как сильно ненавидит это, тем чаще Хидан его так называл. Угрожать и злиться теперь было опасно, зная, как альбиноса это возбуждает. И видя, что ничто его не остановит, он просто сдался. Это не было полной капитуляцией, он не был побеждён этим идиотом. Это просто не стоило его драгоценного времени или сил, поэтому он сделал стратегический шаг, просто переставая обращать внимание.

Доктор также смирился, что покоя ему теперь не будет нигде, даже в своём кабинете. Он даже демонстративно закрыл дверь, но Хидан всё равно ворвался без стука, как к себе домой. Так что сейчас Какузу пришёл обедать в комнату отдыха, просто чтобы этот болван не навёл в его кабинете беспорядок. А тот снова притащил с собой ноутбук и положил его себе на колени.

По крайней мере, его выбор сегодня был не так уж плох, это были песни, которые он узнавал, песни, которые слышал ранее. Он был благодарен хотя бы за то, что Хидан догадался подобрать что-то более соответствующее его поколению, потому что он был чертовски настойчив в своих попытках. И альбинос не знал большинства этих песен, он не подпевал, но пока играла музыка, он постоянно что-то читал. Какузу уже не отрицал, что ему нравится голос Хидана, и ему действительно было бы любопытно услышать, как он будет звучать, если попытается спеть что-нибудь из Fine Young Cannibals. Он допустил ошибку, в красках представив себе это, и почти не смог сдержать резкого смеха.

Время от времени Хидан поворачивался к нему и улыбался каждый раз, когда ему удавалось поймать взгляд Какузу. Тот быстро отводил взгляд и старательно смотрел в сторону, жалея о том, что не пошёл обедать в свой кабинет, потому что здесь он даже не мог притвориться, что работает.

Заиграл Michael Sembello - 'Maniac', и Какузу закатил глаз, тяжело вздыхая. Хидан только злорадно улыбнулся ему, - «Что? Тебе не нравится!? Это же классика, Кузу. Я думал, что ты-то точно оценишь...»

«Я был бы тебе очень признателен, если бы это выключил. Я же говорил тебе сотню раз, мне плевать на музыку, если ты продолжишь заниматься этой хернёй, я сверну тебе шею».

«Я помню, что ты говорил, Кузу, но если ты хочешь, чтобы я слушал тебя, ты должен услышать меня! Я говорю тебе, что ты врёшь, и я найду ту песню, которая тебе нравится. У каждого есть хотя бы одна песня»

«Я не могу слушать тебя, потому что единственное, что я постоянно от тебя слышу, это твой проклятый идиотизм, от которого у меня клетки в мозгу умирают. Я иду в свой кабинет, и если ты попрёшься за мной, я тебя прибью. Понял?»

«Кузу, твои оскорбления становятся всё скучнее с каждым разом. Я думаю, ты слишком стараешься».

«Возвращайся к работе, Хидан».

«Подожди подожди! Всего одна песня. Она передаёт мои чувства к тебе просто и-де-аль-но», - последнее слово Хидан говорил сквозь смех, пытаясь сдержаться.

«Сладкий, мой сладкий...»

Глаза доктора на мгновение расширились, но он быстро взял себя в руки, прищуриваясь. Хидану казалось, что он отчаянно пытается сохранить самообладание.

«Кузу, это... это она!»

«Если ты хочешь мое тело и считаешь меня сексуальным, давай, сладкий, скажи об этом мне. Если я правда нужен тебе, просто протяни руку и прикоснись ко мне. Давай, милый, скажи мне об этом...»

Судя по всему, Хидан эту песню выучил, потому что он подпевал и принялся гладить себя руками, когда играл припев. Но он всё равно сорвался и начал смеяться, как умалишённый.

«Господи, я взял на работу тупицу ...», - прорычал Какузу, разворачиваясь и уходя в свой кабинет, не обращая внимания на Хидана.

«Как ты думаешь, я с-секси, Кузу? АХхаха! Если ты хочешь мое тело и счи-хаххахах, считаешь меня сексуальным, просто потянись и коснись меня-яхахаха!», - он давно так не смеялся, - «Эй,

Кузу, перестань так на меня смотреть! Мне только становится ещё смешнее!».

Какузу почти дошёл до кабинета, когда услышал грохот, и обернулся, чтобы увидеть, что Хидан просто упал со стула от смеха и ударился о кулер.

Он развернулся, влетел в кабинет и захлопнул за собой дверь так сильно, что ему пришлось убедиться, что он не сломал чёртову дверь, иначе он разозлился бы ещё сильнее.

Ему действительно нравился Род Стюарт ... чёрт возьми.

,

«Та песня будет теперь нашей песней, Кузу», - заявил Хидан на следующий день, снова влетая в офис Какузу и останавливаясь прямо перед ним.

Доктор тяжело вздохнул, закрывая глаза, морально готовясь к тому, что следующий час он проведёт в аду, - «И это при том, что ты спорил со своей дурацкой подругой, что ассоциировать себя с песней глупо?»

«Её зовут Таюя, и да. Я человек, так что я лицемер по определению», - сказал он, срывая обёртку со своего сэндвича. Какузу заметил, что он всегда приносил бутерброды, и ничего больше, и в принципе ему было всё равно, но всё же немного любопытно.

«Мне плевать как её зовут. То, что ты общаешься с ней, не значит, что я тоже должен», - сказал он. Альбинос вдруг помрачнел при её упоминании. Его это бесило, он не был дураком, он не был настолько глуп, чтобы не заметить, как девушка вела себя с Хиданом. Было очевидно, что она была в какой-то степени влюблена в него, но Хидан, видимо, не отвечал ей взаимностью. Однако это изменение его настроения при упоминании о ней была ... раздражающей. Хидан был идиотом, пристающим, приводящим в бешенство, и всё же несмотря на всё это, его всё равно к нему тянуло. На вечеринке, когда он почти потерял контроль над собой, он хотел, чтобы Хидан был его, и только его, и сейчас он хотел того же всё так же сильно. Мысль о том, что у него могут быть чувства к кому-то ещё... что ж, ему нужно знать больше.

«Пф, она всё равно уехала. Сейчас мы на самом деле даже не друзья».

Какузу хмыкнул и сделал глоток чая, - «Прекрасно, она была более раздражающей, чем ты».

«Не носи херни, ты слишком стар для подобного»

«Я просто выражал своё мнение, ты постоянно так делаешь. У меня тоже есть на это право».

«Ну, ты даже не знал её, чёрт возьми. Так что заткнись».

«Трудно узнать кого-то, когда он не затыкается ни на секунду, и матерится через слово».

Хидан внезапно встал, свирепо глядя на Какузу. Тот смотрел в ответ, внешне невозмутимый, но с каждой становился все злее и злее, - «Она перестала со мной разговаривать, потому что поняла, что у нас с тобой что-то есть. И она не хотела, блядь, вмешиваться в это. Я не знаю, знаешь ли ты это, Кузу, но кому-то, вроде меня, очень трудно найти хороших друзей. А она была одной из них», - он говорил спокойно, несмотря на пылающую в его глазах ярость. Именно это удерживало Какузу от дальнейшего обострения ситуации. У альбиноса сейчас был один из тех редких моментов, когда он вёл себя по-взрослому, а не раздражался потоком криков и воплей, хотя был явно зол. В такие моменты Хидан выглядел очень возбуждающе.

«Я разозлился из-за этого ...», - сказал он, садясь обратно. Он посмотрел на свой сэндвич и завернул его обратно в упаковку. Какузу ничего не сказал, - «Мне она не нравилась в этом смысле, понимаешь. Но было бы то же самое, если бы Итачи просто решил, что больше не хочет быть моим другом. И что еще глупее, она даже не набралась смелости, чтобы самой мне об этом сказать...»

«Я имею в виду, не думай, что ты должен защищать меня от себя ... или ... типа того». Какузу рассеянно вернулся к своему обеду, сопротивляясь желанию сказать Хидану, что он ведёт себя как проклятая девка и что ему плевать на это.

«Я знаю, что я полный болван, Какузу ...», - пробормотал Хидан, всё ещё глядя на свой завернутый бутерброд. Какузу посмотрел на него за то, что он только что назвал его по имени, а не этим дурацким прозвищем, - «Я сам виноват, я знаю. Я не дурак. Но я не собираюсь меняться для других людей. Я думал, что она поняла, потому что переживает подобную херню. А она просто делает такое. Хуйня какая-то. Меня это так бесит, но я ничего не могу изменить ...»

Какузу вдохнул и выдохнул, лениво думая, что предпочёл бы снова терпеть приставания Хидана с его дурацкой музыкой, чем эту ахинею. Он был немного зол на эту девчонку, за то, что он сейчас слушает это нытьё из-за неё, но ещё она бесила его тем, что она расстроила Хидана. Он не хотел злиться, в целом он был рад, что эта надоедливая мелкая бестия исчезла.

«...ты прав, мне нравится та песня», - вдруг сказал он, ненавидя себя за это. Чёрт, он предпочтёт, чтобы Хидан дразнился, чем ходил мрачный и подавленный весь день. Ему не нравилось, что он почувствовал это странное стремление к собственничеству, но что поделать. Сперва он просто думал, что Хидан его, как какое-то имущество. Но вещи были вещами, он не должен был чувствовать необходимость заботиться об их мыслях и чувствах. Но чувствовал.

Хидан моргнул и повернулся к нему, - «Какую песню ты имеешь в виду? “Da ya think I'm sexy”?».

«Мне нравится Род Стюарт. Да».

И вот он снова стал нормальным, его улыбка растянулась на лице, - «Чёрт, да! Я же говорил, что смогу. Значит, я могу назвать её нашей песней? Я такой гений, что даже себя могу убедить в обратном», - он встал и сделал несколько больших шагов к вешалке рядом с дверью, где висел его ноутбук в сумке, и вернулся, чтобы вернуться в кресло. Через секунду машина уже стояла на столе, и он печатал на клавишах.

«Это чертовски иронично, потому что я выбирал между двумя песнями. Вторая мне показалась слишком лиричной, я подумал, тебе она не понравится. Но если этот певец тебе нравится, тогда может понравится и эта. Она немного религиозная и всё такое, потому я её и выбрал тоже», - он оживился и говорил быстро, пока его пальцы бегали по клавишам. Какузу упал головой на руки, сидя за столом. Какого чёрта он только что сделал?

«Да, вот она», - сказал Хидан, и песня 'Forever Young' Рода Стюарта начала играть.

Хидан кивал в такт, улыбаясь Какузу, - «Тебе нравится? Это просто нелепо, она такая старая, прямо как ты. Мне вообще-то нравится, насколько это по-гейски?»

Какузу покосился на него, - «Ты сегодня на каких-то новых таблетках?»

Хидан вопросительно поднял брови, - «Э-э ... Вроде нет. А что?»

«Ты сегодня особенно раздражающий», - ответил Доктор, поднимаясь со стула и хватая свой обед. Скорее, особенно соблазнительный. Ответ на этот вопрос был таков: Да, да, ему нравилась эта песня, несмотря на то, что она была посвящена религиозным темам и Род пел её своим детям, или своей возлюбленной, неважно, он не смотрел на песни так, как Хидан. Дело в том, что да, это была ужасно нехарактерная для него песня, и этот маленький хитрый альбинос каким-то образом переиграл в его и заставил случайно признать это. Чёрт, чёрт, чёрт.

Он выбросил мусор в ведро и вышел из кабинета, чтобы вымыть руки в раковине смотровой комнаты.

К счастью, была пятница. У него было целых два свободных от Хидана дня, чтобы отдохнуть после того, как эта длинная неделя наконец закончилась. Два дня, чтобы прочистить мозги и решить, что, чёрт возьми, с этим делать. Ситуация определенно не разрешилась сама собой, как должно было произойти по мнению Кисаме. На самом деле всё стало только хуже. Раньше он, возможно, хотел Хидана, но ничего не делал. Это было утешением, всё было нормально, он знал, чего ожидать, несмотря на то, что не мог заснуть. Разрешились только его проблемы со сном и нихрена больше.

Хидан по-прежнему мучал его, но теперь он вообще не знал, что от него можно ожидать. Это было за гранью разочарования. Самым важным следствием этого было то, что его бизнес находился в постоянной опасности. Раньше ему приходилось беспокоиться только о том, что

произойдёт, если люди узнают, что они вместе, но после того, что случилось в среду, к этому добавилось новое опасение.

Если бы какой-нибудь пациент только это увидел... Кто-то распространит слухи о том, что они вместе, сплетни можно опровергнуть, у него есть репутация и люди просто не поверят в них... Но если бы та женщина с ребёнком увидела их в тот момент... Ущерб был бы необратимым. Не помогало и то, что у Хидана, казалось, была какая-то идиотская вендетта против каждой девушки, переступавшей порог клиники.

Нужно было найти решение, и под решением он подразумевал способ либо вбить в грёбаную голову Хидана, что он должен прекратить действовать таким образом в рабочее время, либо найти какой-то способ заставить его уйти с работы.

Его ненавязчиво кольнуло, когда он подумал о том, что рядом нет этого альбиноса. Чёрт, эта ситуация была ужасна. Что, чёрт возьми, с ним происходит, о чём он думает?

Это должно быть заразно. Он действительно сходил с ума. Это единственное объяснение.

<http://tl.rulate.ru/book/58664/1503097>